

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. К. БОГОЯВЛЕНСКИЙ

ВООРУЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В XVI—XVII ВВ.

Вооружением русских войск в XVI—XVII вв. у нас интересовались очень мало, и все наши сведения восходят к трудам Висковатова и Беляева, трудам очень почтенным, но написанным в 40-х годах прошлого столетия, когда напечатанного архивного материала было очень мало, мало было и охотников рыться в море архивных бумаг. Позднейшие военные историки обходили вопрос о вооружении, ограничиваясь немногими мало значущими фразами.

Сравним две цитаты: из сочинения Беляева «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него» и из лекций одного из лучших военных историков — Масловского, написанных через 44 года после выхода в свет исследования Беляева. Беляев пишет: «Оружие служилых людей городского полка составляли пищали, пистолеты, карабины, саадаки и сабли по образцам и мерам, назначаемым в государевом указе, кажется, только для дворян и детей боярских» (с. 23). Далее приводится из напечатанного в ААЭ (т. III, № 319) наказа псковскому воеводе такое место, в котором нет ничего об установлении образцов и мер для дворянского оружия. Масловский, захватывая и XVI в., о вооружении XVII в. говорит в самых неопределенных выражениях: «Вооружение дворянской конницы было весьма разнообразно, в зависимости от статей, в которых они числились. Дворяне еще в XVI в. при полном (лучшем) вооружении имели стальной шлем с остроконечной верхушкой, доспех железный, чаще кольчужный, разных видов и названий (пансырь, юшман, бехтерец и куяк), стальные наручи и наколенники, саблю, копьё, саадак с луком и колчан со стрелами; уступившие первое место в XVII в. огнестрельному оружию: пистолетам, пищалям» (с. 11).

Вот и все, что мог сказать о русском оружии XVII в. военный историк, специалист своего дела. Надо упомянуть еще о работах Э. Ленца — предисловиях к составленным им описаниям коллекций оружия двух крупнейших собраний: Эрмитажа и С. Д. Шереметева; работы эти в высшей степени ценные, но они трактуют больше об иностранном, чем о русском оружии, сообразно с содержанием обеих упомянутых коллекций.

Причина такой неразработанности вопроса, интересного с военной и бытовой стороны, заключается в том, что среди архивных материалов, напечатанных и не напечатанных, нет такого собрания, которое прямо относилось бы к поставленному вопросу, и исследователю приходится извлекать сведения из архивных документов, пря-

мо не относящихся к военному делу. Только относительно дворянской конницы имеется компактный материал в виде десятен различных видов.

Рассмотрим вооружение различных частей русского войска, конницы и пехоты, оставив в стороне артиллерию, по истории развития которой имеются солидные исследования военных писателей: Бранденбурга, Струкова и др.

I. ДВОРЯНСКАЯ КОННИЦА

До XVII в. дворянская конница была главным войском, несшим все тяготы войны — наступательной и оборонительной. Дворяне служили со своих поместий и вотчин и должны были являться на военную службу по призыву власти «конны, людны и оружны» — на своем коне, в сопровождении вооруженных слуг и при своем вооружении. Первое условие соблюдалось очень строго, так как каждый дворянин был лично заинтересован в том, чтобы ехать в походе на лошади, а не идти пешком. Сопровождающие дворянина на войну люди также были ему необходимы, чтобы везти запасы провианта (питался дворянин за свой счет) и защищать своего господина в опасности. Вооружался дворянин тоже за свой счет, по своим средствам и по своему вкусу, так как требования правительства в этом отношении были неопределенны. Можно было бы ожидать, что вооружение дворян будет отличаться большой пестротой и случайным подбором, но чувство самосохранения заставляло дворян выбирать оружие не по произволу, а в соответствии с приемами войны и вооружением противника. Русские ратные люди проявляли мало инициативы в совершенствовании своего оружия и больше применялись к вооружению и тактике неприятеля. Но негодность того или другого оружия познается при неудачах на поле битвы. Поэтому первые встречи с новыми врагами бывали неудачны, а после приспособления следовали удачи, если не портили дела неумелые вожди.

Главным противником в XVI в. были татары, тревожившие южные и восточные границы. Они были вооружены почти исключительно холодным оружием. Таково же было вооружение и русской дворянской конницы. Десятня по Коломенскому уезду 1577 г., дающая список дворян с указанием, в каком вооружении они обязаны явиться в случае войны, раскрывает такую картину. Огнестрельного оружия коломничичи в числе 279 человек совершенно не имели, но почти все были вооружены саадаком, т. е. луком и стрелами, и саблями — таких было 94%. Копья имели только 12 человек, из которых у восьми копьё было дополнением к саадаку и сабле, а у четырех оно составляло единственное вооружение. 163 коломничича, т. е. 59%, имели защитное вооружение в виде доспехов: 156 человек были в пансырях, трое в тегиялях, двое в кольчугах, по одному в зеркалах с наручами, в юшмане, в бехтерце. Большинство имевших доспехи имели также шлемы. Следовательно, и в защитном вооружении также был один преобладающий тип.

Коломничичи, жившие близко к южной границе и вынужденные сдерживать натиск татар, сообразовали свое вооружение с условиями татарского боя. Татары нападали стремительным потоком, и главной задачей защиты было из-за прикрытия остановить нападающих и не допустить их до рукопашной схватки. Для этой цели служили лук и стрелы, которые в руках опытных воинов были очень опасным

оружием, действовавшим на значительном расстоянии. Татарские стрелы выводили из строя немало защитников южной границы. По материалам XVII в. можно оценить губительную силу стрелы, пущенной из тугого лука. В 1616 г. тулянин Остафий Иванов с. Крюков подал челобитье о денежной помощи, так как он «ранен из лука в грудь промеж титек, а стрела вышла в спину, а лечился собою, и от лечбы де стало 7 рублей»; на челобитной помета: «Дать 3 рубли»¹. Рязанец Михаил Никитин с. Панов, сообщая в 1633 г. о победе над «многими крымскими воинскими людьми», между прочим упомянул, что под ним «конь из лука застрелен наповал»².

Если туча стрел, пущенных на нападающих татар, не останавливала натиска последних, то завязывался рукопашный бой; для него надо было иметь легкое оружие в виде сабли. Характерно, что коломничи в борьбе с татарами мало пользовались копьями, но это объясняется отсутствием в дворянском ополчении хотя бы признаков какого-либо военного строя. Если сомкнутый строй выставит вперед щетину копий, то коннице трудно его одолеть. Но дворяне никогда не упражнялись в строевом учении: каждый действовал самостоятельно, и потому копьа в их руках не представляли достаточной защиты.

По коломенской десятне мы не найдем ни одного дворянина, котсрый бы пользовался щитом. Этот вид защитного вооружения, громоздкий и тяжелый, повидимому, вышел из употребления. Роль щитов должны были исполнять временные или постоянные укрепления, хотя бы прикрытия из телег, широко практиковавшиеся в борьбе с крымцами.

Если дворянская конница не без успеха сражалась с татарами, не имевшими огнестрельного оружия и не усвоившими всех выгод правильного строя, то на западной и на северо-западной границе дворянское ополчение оказалось совершенно несостоятельным в борьбе с обученными регулярными войсками, постепенно все шире и шире применявшими огнестрельное оружие. Ливонская война показала, что пора было отказаться от старых приемов ведения войны. XVII век ознаменован перевооружением и переустройством русских военных сил. В первую очередь пострадала иррегулярная дворянская конница, постепенно терявшая свое значение основного ядра русского войска и, наконец, вовсе упраздненная, так как в силу своей внутренней организации она не могла войти в состав регулярной армии.

Первооружение дворянской конницы, охранявшей южные границы, шло медленнее, чем перевооружение дворян, действовавших на западе; это вполне соответствовало различию в вооружении соседей с юга и с запада. В тех станах, которые прилегали к юго-восточной границе, дворяне имели дело с отсталыми в военном отношении кочевыми племенами и с татарами; потому и дворяне этих станов еще не отказывались от дедовского оружия, но уже заводили у себя ружья. Для примера возьмем десятню Старорязанского стана и соседних с ним. В 1649 г. дворяне этих станов строили в степи укрепления. С огненным боем выходили 38% дворян, а преобладающим вооружением были саадак и сабля — у 62%. Из огнестрельного оружия отмечены пищали, карабины и пистолы. Так как пистолы

¹ Акты Московского государства, II, 138.

² Там же, 509.

били на очень короткую дистанцию, то они при стычках с татарами не могли соперничать не только с ружьями, но и с саадаками. Это ясно выражено в инструкции 1637 г. по сбору дворян для посылки на южную границу: «И ты-б еси им (дворянам) сказал имянно, что многие дворяне и дети боярские ездят на бой с одними пистолы, а к пистолем карабинов и долгих пищалей не держат, и тот короткий бой к татарскому бою без карабинов худ и короток; и которые ездят с пистолы, и они-б впредь к тем пистолем держали карабины или пищали долгие, а с одним бы пистолем однолично никаков человек в полку не был. А которые ездят с саадаки, и у тех бы с саадаком было по пистолы. А которые люди будут за ними в полках, и ездят с саадаки и лучною стрельбою владеют, и те-б были в саадаках, а которые люди не будут за ними без саадаков, и у тех бы людей были пищали долгие или карабины добрые»¹.

Пищали находим в большом количестве в тех украинских уездах, которые снабжались огнестрельным оружием на средства правительства. В делах Разрядного приказа найдем немало записей о снабжении пищальми детей боярских наиболее опасных уездов или о выдаче им денег на покупку оружия, впрочем всегда по оценке ниже рыночной. В 1650 г. Разряд затребовал от Оружейного приказа для указанной цели 1300 пищалей, но получил только 692, так как наличный запас пищалей был отослан в города Казанского дворца². В ноябре 1651 г. «велено взять в Разряд из Оружейного приказа 50 пищалей ручных с замки и с щонцулы на раздачу украинских городов служилым людям, у которых ружья нет и которым на ружье денег не давано»³. Мушкеты, принятые для вооружения стрельцов и полков иноземного строя, даже отбирались у детей боярских. Так, в 1651 г. сыну боярскому Демке Посникову была выдана пищаль вместо отобранного у него мушкета⁴. Но надо заметить, что терминология огнестрельного оружия еще не установилась, и пищалью мог быть назван и мушкет. В описи Оружейной палаты 1686/7 г. находим запись «Пищаль немецкая мушкет» (л. 215). К этому вопросу придется вернуться в дальнейшем изложении.

Может быть, некоторые из более крупных дворян имели пищали, заряжающиеся с казны. Такая «пищаль гладкая скорострельная, ствол круглый, заправляется с казны» была прислана в подарок от английского короля. Были и русские подражания: «Пищаль Иванова дела Лучникова о шти зарядех, заправляется с казны»⁵. Были также двойные, т. е. двуствольные пищали.

Если возьмем десятни юго-западных станов и уездов, т. е. таких, которые соприкасались и с татарами и с поляками, то обнаружим иную картину. С огнестрельным оружием выходили 87% дворян, а с саадаками 10%; остальные 3% были вооружены очень слабо: саблей, топором либо рогатиной. Из огнестрельного оружия упоминаются только пищали и карабины, пистолей ни у кого не оказалось.

Перейдем к западному фронту. Борьба с поляками заставила дворян приобретать огнестрельное оружие. Десятня 1634 г. по Дмитрову, Волоколамску и Рузе описывает вооружение дворян, сражавшихся

¹ Русская историческая б-ка, II, 674.

² Разряд., вязка 1, № 80.

³ Там же.

⁴ Там же, № 79.

⁵ Опись Оружейной палаты 195 г., лл. 224, 230.

с поляками под Смоленском. Все они имели пищали и сабли, за исключением двух человек, из которых один имел только пищаль, а другой саadak и саблю — единообразия почти полное.

Десятни верстальные новиков более позднего времени по Смоленскому разряду и замосковным городам с 1635 по 1646 гг. показывают также широкое употребление огнестрельного оружия и малый процент дворян, вооруженных саадаками. Но вид оружия изменяется в сторону уменьшения его веса. Это объясняется тем, что война приобретает все более наступательный характер, когда атакующий предпочитает не стеснять своих движений тяжелым вооружением. Да и оборонительная война стала требовать применения иных приемов защиты: атакующий часто подходил к укреплению не стремительным набегом, как татары, а тихой сапой, прикрываясь земляной насыпью или передвижными щитами, и только перед самым укреплением брссался на штурм. При таких условиях и нападающему и защищающемуся было удобнее действовать легким оружием, а не тяжелой пищалью. Поэтому дворяне предпочитали запасаться карабинами и пистолетами; последний род оружия почти вытеснил остальные. Если возьмем позднюю десятню, костромскую 1675 г., то увидим единообразное вооружение дворян пистолетами и саблями. Так вооружены были 92% дворян, остальные имели карабины и пищали, а несколько человек были вооружены одними саблями.

Упстреление огнестрельного оружия сделало бесполезными те предметы защитного вооружения, которые предохраняли от ударов холодного оружия, но не могли предохранить от губительного действия пули. Пансыри, кольчуги, тегилыи и пр. в десятнях XVII в. упоминаются очень редко, и только богатые бояре иногда по традиции объявляли о своем блестящем вооружении. В 1664 г. Б. М. Хитрово написал в своей сказке: «На службе буду на аргамаке, а на мне панцырь да зеркало и наручи, шапка ерихонка да саадак». Наряд очень внушительный, напоминающий вооружение воевод, бравших приступом Казань, но совершенно бесполезный в условиях войны XVII в. Правительство по старой памяти требовало от дворян и шеломов, и мисюрок, и пансырей, и кольчуг, а в смотренных списках и десятнях узаконяло отсутствие всех этих дорогих доспехов.

Дворяне выходили на войну все на конях; исключение составляли лишь самые бедные, которым явиться было «не на чем и не из чего». Количество людей, шедших за дворянами, согласовалось с количеством поместной земли только в общем, с постоянными отступлениями. Например, в коломенской десятне 1577 г. по одной статье в 250 четей и 14 руб. оклада рядом поставлены дворовые дворяне Мих. Колтовской и Григ. Яковлев. Вооружение и доспехи у обоих одинаковы, но первый выезжал с одним человеком «на коне, в пансыре, в шапке железной, в саадаке, в сабле да человек на мерине с юком», а второй с тремя слугами также «на конях, в пансырях, в шапках железных, в саадаках, в саблех, да еще был один на мерине с юком». Дальше в списке идет Ларион Колтовской, который вел за собой одного слугу на мерине с саадаком, с саблей и человека на мерине с юком. Между тем Розгильдей Любученинов, имевший меньший оклад, в 250 четей и 11 руб., должен был явиться с двумя людьми, из которых один показан на мерине, в шапке железной, с саблей, другой на мерине, в тегиле толстом, в шапке железной, с саадаком, с саблей. Если прочитаем список городских дворян, то

увидим такую же картину. По 250 четей и 13 руб. оклада имели поставленные рядом Дмитрий Ильин, Григорий Телешов и Семен Бирев. Все они выходили в одинаковом вооружении, но у первого не было ни одного вооруженного слуги; у второго — один на коне, в пансыре, в шеломе, с саадаком, с саблей; у третьего — два также на конях, в пансырях, в шеломах, с саадаками, с саблями.

То же самое видим в десятнях XVII в. Количество людей, шедших за дворянином, определялось не размерами земли, а числом крестьянских дворов. Впрочем выдержанной пропорциональности мы и тут не заметим. Князь Дмитрий Долгорукий и сын его Владимир оба служили с 141 двора и вели за собой 20 вооруженных людей, тогда как князь Борис Троекуров с 1163 дворов показал не 188 человек, пропорционально числу дворов, принадлежавших Долгоруким, а только 17¹.

В 9-й главе сочинения Котошихина говорится между прочим о тех дворянских людях, которые должны идти на войну со своими господами: «Да в то ж время, как бывает у царя смотр всем ратным людям перед войною, и в то время у стольников и у стряпчих и у дворян Московские и у жильцов расписывают, сколько за кем крестьянских дворов, и сменя против крестьянских дворов, напишут за ними быти к бою людей их, со всею службою, всяких чинов за человеком человек по 5 и по 6 и по 10 и по 20 и по 30 и по 40, смотря по их животам и вотчинам, кроме тех людей, которые с ними бывают за возами. А как прилучится бой, и тех людей к бою от них не отлучают и бывают с ними вместе под одним знаменем». Столичный житель Котошихин знал больше придворную знать, которая могла вести за собой своих людей десятками. Но таких было немного, а главная масса дворянского ополчения, которая представляла собой действительную силу, не могла являться на войну в сопровождении многочисленных людей.

В общем надо сказать, количество людей, шедших за дворянами, было незначительно, а по украинным уездам даже ничтожно. 279 коломенских дворян в 1577 г. вели за собой 147 конных и вооруженных людей, которые могли сражаться рядом со своими господами. Приблизительно такое же соотношение между числом дворян и их вооруженными людьми видим в костромской десятне 1675 г.: при 433 дворянах было 181 человек, но из них на конях были только 42 человека, а более двух третей всего количества людей были пешими защитниками обоза. При 1324 курских дворянах состояли только 11 бойцов и один вооруженный пищалью в обозе. Царев-Алексеев уезд выставлял в 1650 г. 161 дворянина, из которых только один вел за собой вооруженного воина. Несколько севернее на войну выходило много людей, но большинство их было в кошу. В трех станах — Старсрязанском, Понисском и Перевицком — при 388 дворянах было 205 вооруженных людей, но к бою предназначались только 24 человека на конях, 181 были обозными. Новики вели за собой очень немного людей. В 1646 г. поверстано было 210 новиков, за собой они сказали только 23 человека.

Приведенные цифры с достаточной убедительностью показывают, с какой осторожностью надо подходить к показаниям Котошихина, который часто цитируется как непререкаемый авторитет. Если в

¹ АМГ, III, 548.

XVI в. примесь к дворянам их людей представляет некоторую величину, если до опричнины княжата вели в бой собственные полки, то в XVII в. обмельчавшее дворянство не могло являться на войну в сопровождении многочисленных слуг.

Вооружение дворянских людей было несколько более пестрое, чем у дворян, но и тут можно отметить преобладающий вид вооружения, употребление которого вызывалось обстановкой. В 1577 г. половина коломенских дворян была на конях, в пансырях, шлемах, с саадаками, саблями; и из слуг половина была в таких же доспехах и вооружении. Остальные были вооружены так же, как и дворяне, с некоторыми отступлениями от основного типа вооружения. Хотя между людьми не найдем никого с дорогими доспехами, зеркалами или юшманами, все же в общем можно сказать, что они были вооружены лучше, чем дворяне. Среди дворян в доспехах было 59%, а между людьми — 75%. Это объясняется тем, что людей приводили только самые состоятельные дворяне, которые могли затратить на вооружение своих слуг. Точно так же и в XVII в. вооружение людей, посылаемых на бой, было не хуже вооружения дворян. Все они были конными; как и дворяне, они имели и огнестрельное и холодное оружие. Огнестрельное оружие у них было даже лучше, чем у дворян: в то время как дворяне по старой памяти еще пользовались саадаками, слуги уже имели пищали. Так, в рязанских станах в 1649 г. с огнестрельным оружием выходила только треть с небольшим дворян, а из их боевых слуг огненный бой имели две трети. Когда дворяне стали переходить на более легкое оружие, тяжелое они отдавали людям; таким образом, людей с дальним боем было больше, чем дворян. Например, в 1646 г. один новик имел пистолы и саблю, но слуга его — пищаль и саблю; у новика были саадак и сабля, а у его слуги — карабин и сабля. Подобных примеров можно привести еще очень много.

Совершенно иное вооружение было у людей в кошу. Только небольшая часть их была снабжена огнестрельным оружием, всегда дальнего боя, пищалью и очень редко карабинами. Это вполне соответствовало их назначению — защищать обоз в тылу от налетов врага, подобных татарским. Холодное оружие обозных также соответствовало поставленной перед ними задаче. У них редко находим сабли, но зато много рогатин и бердышей; этим оружием было крайне неудобно действовать в конном строю, но его с успехом можно было применить при отражении конских атак, так как и рогатины и бердыши насажены на длинные древки.

Переходим к рассмотрению отдельных частей вооружения.

При разъяснении названий разного рода доспехов мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. Рубашка из металлических колец называется то кольчугой, то пансырем, то байданой, но как в точности разграничить эти названия — нам не известно. Составитель «Описи собрания оружия гр. С. Д. Шереметева» Э. Ленц мог сделать только одно предположение, что приведенные названия обозначают не разновидности, но происхождение доспехов: кольчуга — слово славянское, от слова «кольцо»; пансырь — от греческого слова «пансидерион»; байдана — от арабского «бадан». Составители описи московской Оружейной палаты, однако, различают кольчуги, пансыри и байданы, перечисляя их отдельно, но по каким признакам — остается неясным. Повидимому, не вполне последовательно проведено различие по обработке колец: пансыри от кольчуг различались тем, что

имели плоские кольца. Байдана царя Бориса Годунова, занесенная под этим названием в опись 1689 г., отличается особенно крупными плоскими кольцами. В описи пожитков кн. В. В. Голицына отдельно описаны пансыри и кольчуги, но и тут уловить какие-либо отличительные признаки невозможно. Из описи имущества А. С. Матвеева можно заключить, что составитель этой описи название «пансырь» признает родовым, а название «кольчуга» видовым: «32 пансыря простых и в том числе 4 кольчуги»¹.

Пансыри изготовлялись и в России. В числе мастеров Оружейной палаты числились пансырного дела мастера — русские и иноземцы. Псвидимому, черкасы были специалистами пансырного дела; по крайней мере, в 1661 г. царь указал отыскать в Астрахани черкас, «пансырного дела самых добрых мастеров»².

Более сложные металлические доспехи не получили у нас того развития, какого достигли на Западе рыцарские доспехи, металлические полосы которых защищали все тело воина. Наша традиция шла с Востока, где тяжелые доспехи, слишком стеснявшие свободу действий, никогда не применялись и где пансырь был всеобщепотребительным средством защиты. В старых русских доспехах также постоянно фигурировал пансырь, поверх которого для большей безопасности можно было надеть или зерцала, или юшман, или бехтерец. Зерцала представляют собой несколько металлических досок, защищавших грудь, бока и спину, т. е. охватывавших весь корпус, причем крайние доски скреплялись завязками.

В Оружейной палате сохранились два царских юшмана — Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Они представляют собой пансыри, у которых на груди и на спине среди пансырных колец расположены сверху вниз в два или три ряда металлические дощечки в количестве 6—8 штук, имеются дощечки и на боках. Сохранились также бехтерцы, которые отличаются от юшманов тем, что вместо дощечек ряды пансырных колец прерывают сверху вниз сплошные ряды узеньких пластинок, как бы чешуек. В бехтерце царя Михаила Федоровича грудь защищают 5 рядов пластинок, по 100 пластинок в каждом ряду. Юшман менее стесняет движения, чем зерцала, но в этом отношении уступает бехтерцу, в котором надежность соединяется с большой эластичностью.

В течение XVI и в начале XVII в. в ходу был тегиляй — подбитый ватой кафтан, который до некоторой степени мог противостоять ударам холодного оружия. Между прочим он изображен на рисунке русского воина в сочинении Герберштейна. Если хотели указать на особенное достоинство тегиляя, его называли толстым. Более бедных дворян и дворянских людей иногда защищал куяк — кафтан из плотной материи, на который нашивались металлические пластинки или бляшки. Но куяк мог быть и более роскошным. Среди имущества кн. В. В. Голицына находим «куяк, бархат зеленой, цена 1 р. 16 а. 4 д.». В 1668 г. были приготовлены по памяти из Оружейного приказа 5 куяков бархатных кизильбашских, 30 куяков суконных разных цветов. На подкладку «от поясу до подолу под зады и под полы и под нашивки» отпущено было по 1³/₄ арш. светлого стамеда, а «от поясов до воротников и под полы и под рукава и под во-

¹ Чтения, 1900, II, 16.

² Акты исторические, IV, 301.

ротники по 2¹/₄ арш. зеленой крашенины». Куяки были обшиты мисурным галуном полужелтым и «набиваны гвоздями медными»¹.

Упомянуты также куяки кольчатые, с нашитыми на кафтан металлическими кольцами. В числе мастеров Оружейной палаты даже в такое позднее время, как 1664 г., числился куяшного дела мастер иноземец Елизар. Ему, между прочим было заказано сделать 2 куяка бархатных².

Из холодного оружия чаще всего употреблялась в дворянском ополчении сабля. Мечи отошли в область преданий, как оружие слишком тяжелое и рассчитанное только на сильный удар, имеющий особое значение для раздробления тяжелых сплошных доспехов, которых у наших ближайших соседей и врагов не было. Кроме того, раннее распространение у нас сабли, более раннее, чем в Западной Европе, обусловлено широкими сношениями с Востоком, где сабля пользовалась особым почетом как оружие и раздробляющее, и колющее, и режущее. Чтобы удовлетворить этому тройному назначению, восточная сабельная полоса имела значительный, но хорошо рассчитанный изгиб, о котором мало заботились западные оружейники. Для большей тяжести удара конец полосы часто снабжался расширением, которое у нас называлось елманью. Рукоять сабли делалась в виде креста для защиты руки и снабжалась у крестовины огнивом — продольной металлической полоской, которая должна была задерживать скользящее по сабельной полосе неприятельское оружие. Более старые сабли имели небольшой наклон вперед, чтобы придать сабле при нанесении удара горизонтальное положение. Восточные сабли у нас ценились очень высоко вследствие изящества отделки и особых достоинств дамасской стали; западные оружейники еще не дошли тогда до подобного совершенства. Восточная сабля была роскошью, доступной немногим: она стоила несколько сот рублей на деньги того времени. Большинство довольствовались саблями московской работы. Наши мастера выковывали сабельные полосы по иностранным образцам: выков на литовское дело, на польское дело, на угорское дело, на черкасское дело. Носились сабли не на перевязи, а на поясе.

Среди дворян рогатина употреблялась редко и была в ходу только в украинских уездах, как оружие, удобное для отражения татар. Зато среди людей-обозников встречаем ее довольно часто. Широко пользовались рогатиной на юге беломестные казаки, а еще чаще их братья и племянники, поспевшие на службу. В Карачеве в 1637 г. на службе состояло 53 беломестных казака: «служат на пахотных лошадях, ружья у них нет, только с рогатины»³. Название «рогатина» предполагает наличие у оружия каких-то рогов. Может быть, в глубокой древности и были рогатины с рогами, но в XV, XVI и XVII вв. рогатины никаких рогов не имели и представляли собой широкое копьё, насаженное на длинную и крепкую деревянную рукоять. В Оружейной палате сохранилось несколько рогатин, в том числе рогатина XV в., принадлежавшая кн. Борису Александровичу Тверскому. На ней имеется надпись: «рогатина в. к. Бориса Александровича»; но и здесь никаких рогов не заметно. Для лучшего упора на ратовище рогатины делались металлические сучки.

¹ И. Забелин, Домашний быт русских царей, II, 843.

² Викторов, с. 433.

³ РИБ, X, 33.

Бердыши упоминаются уже в XVI в., но в ходу они в XVII в., впрочем больше среди крестьян и посадских. И действительно, конному дворянину действовать бердышем, который надо обхватить двумя руками и который требует широкого размаха, было очень неудобно. Бердыш — это топор в виде полумесяца, причем нижняя часть лезвия оттянута и прикреплена к древку, так что бердышный топор имеет две точки опоры: у втулки и у лезвия. Бердыши насаживались на длинные деревянные ручки-ратовища, снабженные на концах железными остриями, чтобы бердыши можно было втыкать в землю. Как очень незатейливое оружие бердыши выковывались повсеместно, возможно даже деревенскими кузнецами; лучшие из них готовились на тульских и каширских заводах из немецкой стали. Во время польской войны монастыри были обложены повинностью готовить для войска топорки и бердыши. Так, Спасоприлуцкий монастырь со своих 598 дворов должен был в месячный срок силами монастырских кузнецов приготовить 12 топорков и 18 бердышей, насадить их на древки и прислать в Москву¹.

Топоры редко бывают показаны в десятнях у боярских слуг. Отличались топоры и топорки по размерам лезвия. Когда Спасоприлуцкий монастырь получил предложение готовить топорки, то был указан размер топорниц — длиной в два аршина; размер очень большой, рассчитанный на широкий размах.

Изредка упоминается в десятнях чекан — однозубая кирка, насаженная на древко. Назначение этого оружия было пробивать панцири. Рассчитанный только на колющий удар, требующий большой меткости при пользовании, чекан не мог сделаться общеупотребительным оружием.

Булавы, шестоперы и другие подобные орудия вовсе не употреблялись в качестве оружия и имели только декоративное значение.

II. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

В XVI—XVII вв. обывателям вменялось в прямую обязанность в случае нашествия врагов войти в состав иррегулярного ополчения с тем оружием, которое было зафиксировано в особых переписных книгах. В качестве образца такой книги приведем переписную книгу по Москве 1638 г. Она сохранилась, хотя и не целиком, однако, в таком виде, что по ней можно составить представление о вооружении, которым располагали городские жители, не входившие в состав войсковых частей. У одних были пищали — 58%, у других рогатины или бердыши — 25%, у третьих пищали и сабли — 12%, у четвертых пищали и рогатины — 5%. Следовательно, три четверти всего населения были снабжены огнестрельным оружием. В провинции, даже в более позднее время, дело обстояло хуже. В Ростове в 1676 г. посадские люди имели такое оружие: 446 человек — бердыши, 243 человека — рогатины, 66 человек — пищали, двое — топорки²; следовательно, с огненным боем на защиту города выходило только 9%.

Такое слабое вооружение городских жителей можно объяснить тем, что военные действия отошли к далеким границам. Трудно было ожидать, чтобы враги подошли к стенам, например, г. Ростова,

¹ ААЭ, IV, 131.

² ДАИ, IX, 24.

и регистрация вооружения посадских людей сохранилась как воспоминание прошлого. В 1638 г. Москва еще жила впечатлениями «смутного времени» и боязнью внезапного налета крымских татар; поэтому регистрация оружия и распределение посадских людей для защиты стен и ворот имели свое оправдание. Но во второй половине XVII в. жители Москвы и замосковных городов уже не имели больше побудительных причин тратить на покупку дорогого оружия. Так как не приходилось сообразовать вооружение с особенностями боя с тем или иным врагом, то вооружение жителей внутренних областей было чрезвычайно пестрым и большей частью очень несложным.

Особый отдел московского ополчения составляли подьячие всех приказов, обязанные иметь оружие сообразно получаемому содержанию под страхом удаления из приказов. В 1646 г. по приказам, хотя и не по всем, было зарегистрировано 205 подьячих, из которых 29 человек были на конях и в вооружении, соответствовавшем вооружению дворян: с пистолетами или карабинами и с саблями. Прочие были пешими и вооружены очень разнообразно: среди них надо выделить основную группу в 60 человек, однообразно вооруженных — пицальями и саблями. Из остальных многие имели по рогатине или по пищали; попадаются вооруженные бердышами, чеканами, топорками, копьями и даже саадаком. Вряд ли пестрая толпа подьячих, привыкших к канцелярской работе, представляла сколько-нибудь заметную силу.

Для окраинных жителей оружие имело свою цену. Там были вооружены и крестьяне. Черньский помещик Бунин жаловался, что его сосед Матюшко Боев сделал набег на его деревню, «собрався с крестьяны большим нарядным делом с луки и с пицальми и с бердыши»¹. В Яблоновском уезде рекомендовалось ездить на пашню, покос и за дровами с пицальями, рогатинами и бердышами². Оружие брали с собой в дорогу, и это никого не удивляло. В Мещовском уезде казаки арестовали троих неизвестных, вооруженных бердышами, но не потому, что они имели при себе оружие, а потому, что у них оказался табак³. В 1628 г. некто Фролка отправился из Путивля в Белгород с прохожей грамотой, явился в Путивле к воеводе, перед которым «спроста промолвился: «Учини мне свой царский указ», за что был бит батогами и посажен в тюрьму. При этом у него было отобрано «всякой рухляди: 8 руб. денег, самопал — цена 3 руб., кафтан бараний — 40 коп». Следовательно, Фролка путешествовал с самопалом и не побоялся явиться с ним к воеводе⁴.

На западной границе население также было вооружено. Псковскому объезжему голове был дан наказ охранять город с сотенными людьми, «которым быть с ружьем, с пицальми, с копы, с топорки и с бердыши»⁵. В 1661 г. в Псков созывают из деревень мужиков «с пицальми и с бердыши»⁶. В Смоленском уезде поляки отбирали у городских и уездных жителей самопалы⁷. Оружие применялось на-

¹ Следственное дело о Ф. Шакловитом, III, 868.

² АМГ, II, 379.

³ Там же, с. 319.

⁴ Там же, I, 299.

⁵ АИ, IV, 312.

⁶ АМГ, III, 348.

⁷ Там же, I, 339.

селением также против местных властей; так, в 1661 г. крестьяне отбивались от сборщиков подвод луками, пицальями и бердышами¹.

III. СРЕЛЬЦЫ

Стрельцы были снабжены огнестрельным и холодным оружием, но никаких доспехов не имели. Висковатов на основании рисунков «Книги в лицах об избрании Михаила Федоровича на царство» утверждает, что стрельцы-копейщики носили железные шапки. Действительно, у некоторых стрельцов, и не только у копейщиков, но и у бердышников, можно подметить покрытия, похожие на железные шапки с прямыми полями. Однако ни в одном документе, касающемся вооружения стрельцов, не удалось встретить какого-либо, хотя бы косвенного, намека на стрелецкие пищаки или железные шапки. Возможно, что в 70-х годах, когда стрелецкие отряды входили в состав полков иноземного строя, эти отряды получили железные шапки. Составленная в указанные годы «Книга в лицах», несомненно, воспроизводит вооружение с натуры, и составитель не занимался археологическими розысканиями, чтобы воспроизвести предметы вооружения, бывшие в употреблении в 1613 г.

Из описания царского смотра на Девичьем поле в 1664 г. почерпаем сведения, что в стрелецком полку А. С. Матвеева два знаменщика вышли в кирасах и один в латах. Ружья у стрельцов были гладкоствольные, крупнокалиберные, длинные и тяжелые, называвшиеся мушкетами. Внешним признаком мушкета был приклад, похожий на современный, с выемкой для большого пальца. Мушкеты выписывались из-за границы в очень большом количестве через посредство торговых иноземцев и русских людей. Так, в 1659—1662 гг. в Архангельск было доставлено более 37 тыс. мушкетов. В 1653 г. подьячий Герасим Головин был отправлен в Голландию для покупки 20 тыс. мушкетов и т. д. Стоимость мушкета, по смете Ивана Гебдона, который много их закупил за границей, доходила до 1 р. 70 к. Делались мушкеты и в России, причем мушкетные стволы поставлял Марселис с тульских заводов по 60 коп. за ствол.

Стволы русского изделия отличались от стволов иноземных. В 1639 г. Андрей Виниус должен был сдать по подряду 636 стволов голых мушкетных на немецкий образец да 136 стволов русского образца мушкетных².

Калибр русских мушкетов был меньше, чем калибр голландских мушкетов. В 1653 г. в Яблонове у майора Владимира Фонвизина было 12 фурм пулечных медных, причем отмечено, что «фурмы пулечные пригодились только к старым голландским мушкетам, а русского дела к мушкетам те фурмы не годятся, велики»³. Вообще крупный калибр мушкетов можно установить из следующего выражения, которое можно найти в актах: пули большие мушкетные. Пули приготавливались из свинца или железа сразу по нескольку штук. Для своих четырех полков полковник Александр Крафорт в 1653 г. требовал присылки «80 фурм долгих, во что лить мушкетные пульки, по 5 и по 6 пулек вдруг лилось»⁴. Можно найти

¹ АМГ, III, 371.

² Влад. ст. столбец № 39, л. 172.

³ АМГ, II, 342.

⁴ Там же, 335.

указания на вес мушкетной пули. При Михаиле Федоровиче мушкетная пуля весила 9,6—12 золотников: «Прямому мушкету доведется пулю по 8 в фунте быть, и то добре добро и пригодно, только всякому солдату тяжело есть его носить и почитают вообще все те мушкеты угоднее, у которых пульки по 10 на фунт»¹. Непомерная тяжесть мушкета заставила потом еще уменьшить калибр и вес пули. В 1677 г. на Яик послано 600 стрельцов, им дано 10 тыс. пуль мушкетных свинцовых, весу в них 16 пуд. 20 гривенок². Следовательно, на фунт приходилось 15 пуль, а каждая пуля весила около 6½ золотников. На каждый заряд «прямой мушкетный» требовалось 8 золотников пороха³. Вследствие тяжести мушкетов (на подводу клали только по 50 или 60 мушкетов) их трудно было держать на весу, и при полевой стрельбе пользовались подсошками, т. е. рогульками, втыкавшимися в землю в виде подставки⁴. Однако упоминания в актах о подсошках очень редки, по всей вероятности потому, что больше пользовались упором на городской стене, на валу и пр.

Новые мушкеты простреливались на пробу. Картину такого испытания дает Павел Алеппский: «Каждый вечер в это лето мы ходили смотреть на ружейных мастеров, которые, собрав все ружья, ими изготовленные, размещали их рядом друг подле друга по склону Кремлевского холма, обращенному к реке, наполняли их порохом, клали затравку на все лежащие рядом и зажигали ее длинным железным прутом, накаленным в огне. Те ружья, которые были прочны, оставались в целости, а непрочные тотчас разлетались в куски от большого количества пороха»⁵. Тот же автор, или по своей склонности к преувеличению, или введенный сознательно в заблуждение относительно богатства Москвы огнестрельным оружием, рассказывает: «Когда мы встали из-за стола, патриарх показал нашему учителю из окна этого помещения, откуда открывался вид на окрестные поля, множество телег, нагруженных ружьями, которые он посылает царю. Он сказал, что их 50 000 и что они получены теперь в ящиках из Шведского королевства. Мы подивились их множеству, и он прибавил, что у царя в Кремле мастера изготовляют для него ежегодно по 70 000 ружей, кои постоянно хранятся в кладовых. Это в столице, а сколько изготовляется их также для царя в большинстве других городов, то бесчисленно; без числа привозят их ежегодно из франкских земель. Говорят, что англичане прислали ему 3 орудия — удивительные пушки, которые при стрельбе из них не издают звука; это одно из изобретений франкского искусства»⁶.

Выстрел из мушкета производился воспламенением пороха на полке посредством фитиля или искры, выбиваемой ударом кремня о железное огниво. В первом случае тлеющий фитиль либо приближался к полке, зажатой тремя последними пальцами левой руки, либо зажимался фитильным курком, или жагрой, который придвигался к полке при спуске. Благодаря прочности и несложности устройства, а также надежности действия фитильный замок широко применялся в европейских войсках до конца XVII в., на Востоке

¹ «Учение и хитрость ратного строя».

² ДАИ, VII, 258.

³ АМГ, II, 335.

⁴ Там же, 54.

⁵ «Путешествие антиохийского патриарха Макария», IV, 45.

⁶ Там же.

он продержался даже до XIX в. Но в то же время он имел много неудобств, так как становился негодным во время дождя или сильного тумана, а в ночное время выдавал присутствие войск светящимися точками. Для приготовления фитиля веревки вываривались в золе и потом хорошо просушивались¹. Фитиля, который во все время сражения поддерживался в тлеющем состоянии, выходило довольно много — по весу приблизительно столько же, сколько пуль, так что при фитильных мушкетах снаряжение воина значительно отягчалось.

Вследствие таких неудобств фитильных замков стали входить в употребление замки кремневые. Различные системы их сводятся к двум основным типам: колесные и ударные. Устройство колесных замков, изобретенных в Германии в начале XVI в., основано на том, что при спуске помещенное в щели под полкой стальное колесо своими зазубринами выбивает искры из кремня, который прижимается к полке. Перед каждым выстрелом необходимо ключом натягивать пружину, вращающую колесо. Полку с порохом можно закрыть, и в случае дождя действие колесных замков не прекращается. Но они сложны по устройству, хрупки и легко портятся от нагара.

К мушкетам колесные замки не применялись или применялись очень редко: их снабжали замками ударными, которые у нас были известны под названием голландских, шкотских или английских. Главное различие одной системы ударных кремневых замков от другой заключается в том, что первые имеют огниво, соединенное с крышкой, закрывающей полку, так что при ударе курка огниво отбрасывается и открывает полку; у вторых же огниво отделено от крышки, и чтобы приготовить мушкет к выстрелу, надо проделать две операции: отодвинуть крышку и приладить огниво. В конце XVII в. лучшие свойства той и другой системы объединились во французском батарейном замке, в котором широкая нижняя часть огнива заменяла крышку. В таком виде батарейный французский замок продержался почти без изменений в европейских армиях до середины XIX в.

Как более тонкая и сложная часть ружья, замки выписывались по преимуществу из-за границы для прилаживания к ружьям и пистолетам русского изделия. Но замки изготовлялись и в русских городах отечественными мастерами. В 1678 г. новгородским кузнецам было велено сделать наспех из казенного шведского железа 3 тыс. мушкетных и карабинных замков, «а огнива к тем замкам делать с укладом, чтоб они были гораздо огнисты, также и тем замком и пружины делать ковки, чтоб они ко взводу были легки, а не ломки»². За изготовление замка назначено было по пяти алтын. Когда замки были доставлены в Москву, мастера их осмотрели и нашли, что они «добры и к стрельбе годны». Но Оружейная палата почему-то забраковала эти замки и при новом заказе через два года выписала новгородских кузнецов в Москву для подробных указаний, «для уговору». Вызывались также кузнецы с Двини, и их тоже обучали в Оружейной палате, как делать замки. В Пскове были собраны в 1680 г. кузнецы из города и пригородов, и им велено было сделать мушкетные и карабинные замки «с большим поспешением, днем и ночью беспрестанно»;

¹ АМГ, II, 347.

² Новой разборки, № 80; ДАИ, IX, 422.

для верности к ним был приставлен караул¹. Как ни странно, в Москве кузнецы мало занимались изготовлением замков, и только при Оружейной палате были замочные мастера.

Иногда попадаются указания, что русский замок сделан по тому или другому иностранному образцу: «замок русской на аглинское дело», или «замок на турецкое дело», или «замок шкотский дела Семена Нижегородца». Вряд ли у нас изобрели замок особой системы, но, надо заметить, в XVII в. по каким-то признакам определяли, что замок русского изделия. Может быть, отличительный признак заключался в характере внешней отделки, а может быть — в некоторых конструктивных деталях; кроме того, отличие русских замков от иноземных заключалось в том, что пружина у них была прямая, тогда как у привозных замков она была дугообразная. Впрочем, и русские замки бывали с дугообразными пружинами. В описи имущества Н. И. Романова указаны «44 замка русского дела прямых пружин». Однако пицаль изделия известного мастера Григория Вяткина имела «пружинки под огнивом гнуты присиненные», может быть, «на шкотское дело»². Были и сборные пицали из частей различного происхождения, как, например, «пицаль турецкая, замок русской на аглинское дело»³. Турецкий замок характеризуется открытым размещением всей системы на внешней стороне замковой доски и откидным огнивом, а также очень незначительными размерами. Хрупкость конструкции, необходимость точной регулировки действия пружин мешали широкому распространению турецких замков в европейских войсках, и, очевидно, в приведенном случае к одному из турецких ружей, славившихся своими выдающимися качествами, был приделан более грубый, но более выносливый русский замок. В актах иногда говорится о двойных замках. Это замок двойного действия: с жагрой, фитилем и кремневым курком. Чтобы действовать фитилем, надо устранить огниво, и потому в двойных замках огниво отгибается так, что ложится вдоль ствола. При действии кремнем огниво устанавливается так, чтобы принять удар кремня.

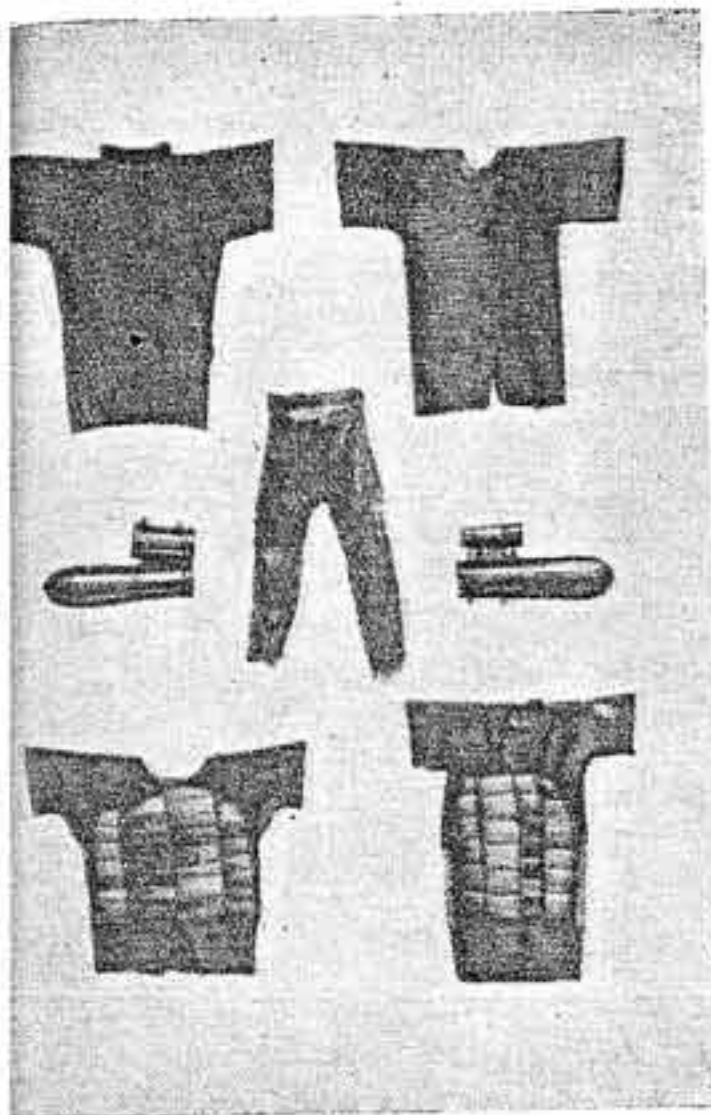
Очень интересные сведения о том, как пользовались мушкетом во время боя, дает полковник Александр Крафорт в сказке, поданной в 1653 г. боярину и воеводе Василию Борисовичу Шереметеву: «В кое время с людьми идем против недруга или недруг против, или на поле стоять под недругом на караулах или недруг под нами, всегда надобно готовым быть, мушкеты-б были заряжены; а как мушкеты замкнут и запотеют, и их всегда надобно выстреливать и, вычистя, заряжать, и потому изойдет много пороху и без бою. А в кое время сойтись с недругом, хотя и с небольшими людьми, а учинится бой, и хотя непременно всякий солдат выстрелит выстрела 3 или 4, ино и тут изойдет на всякого человека с выстрелом и что на полку высыплет, по ¼ фунта; итого на 8700 ч-к 50 пуд с лишком. А как учинится бой большой на целый день, и на всякого ч-ка изойдет по целому фунту пороху... А для ученья и караулов на всякого ч-ка надобно на месяц по фунту»⁴. Итак, в большом бою за целый день из мушкета выпускается только по 12 пуль; такое же количество выстрелов делает мушкет в течение целого месяца учебной

¹ ДАИ, IX, 141.

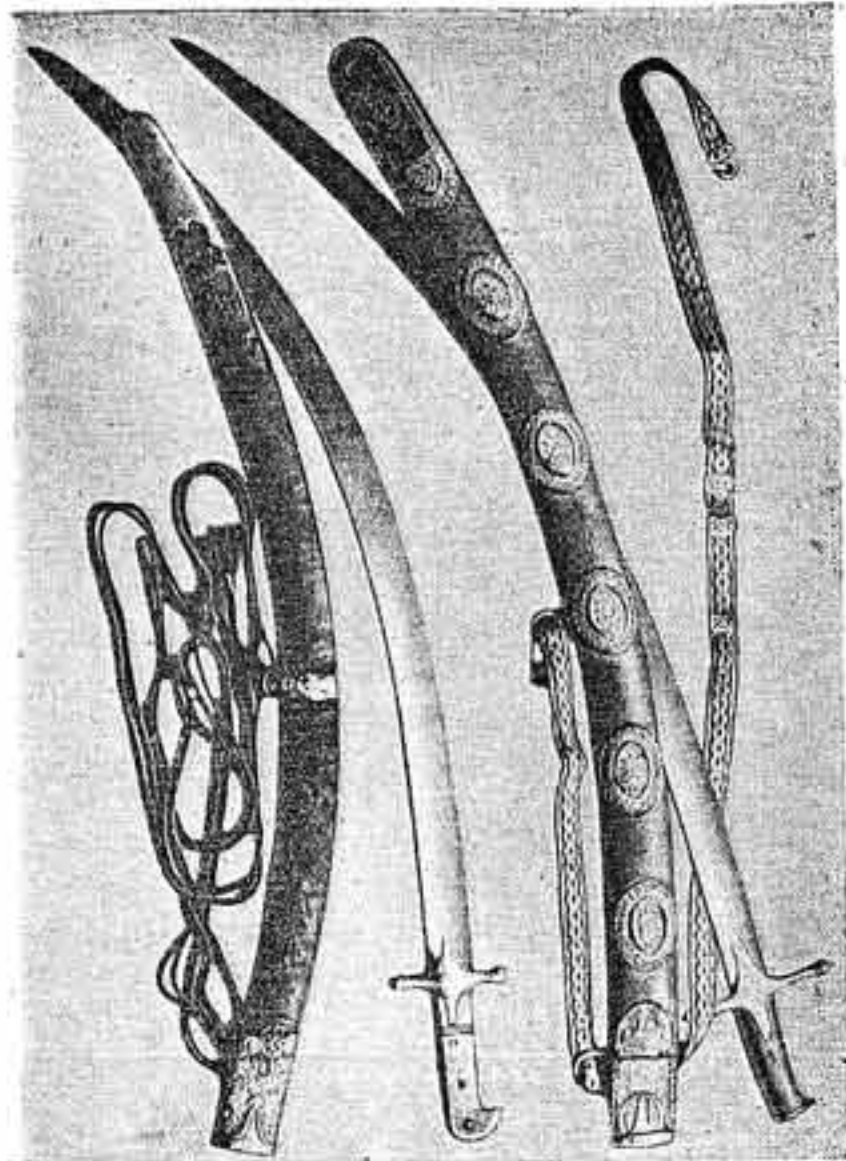
² Опись Оружейной палаты, № 936, л. 242.

³ Там же, л. 221.

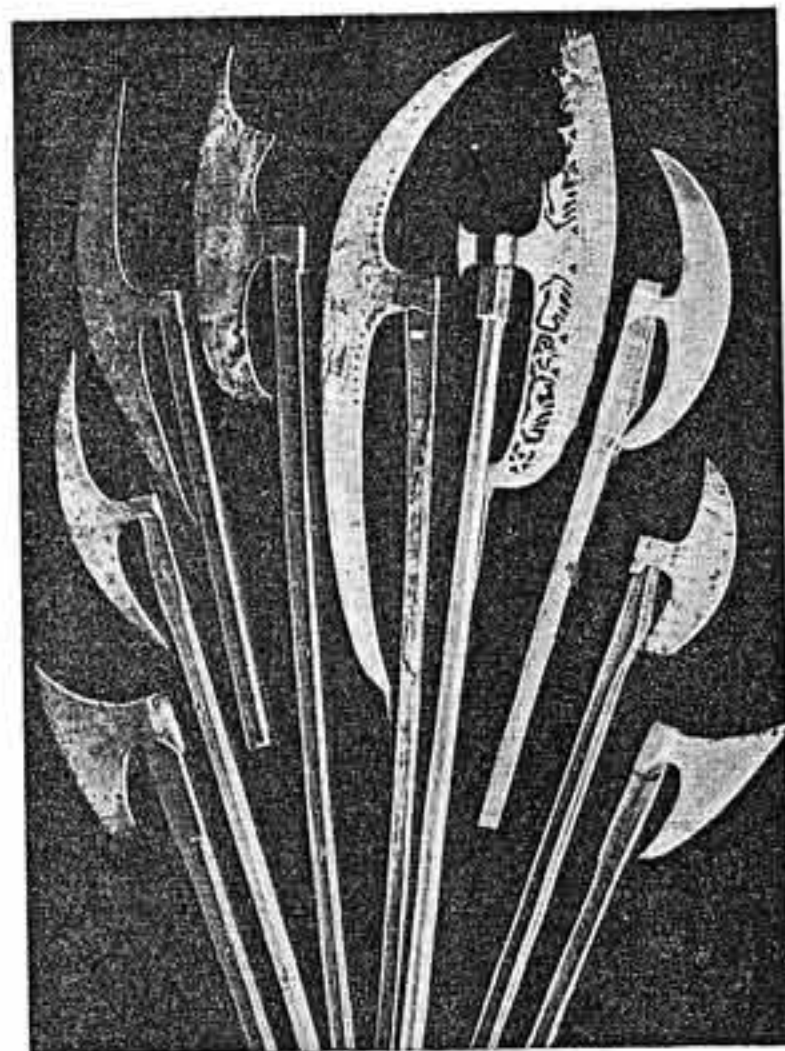
⁴ АМГ, II, 336.

итное кольчужное вооружение.—Наручи.
—Два юшмана.

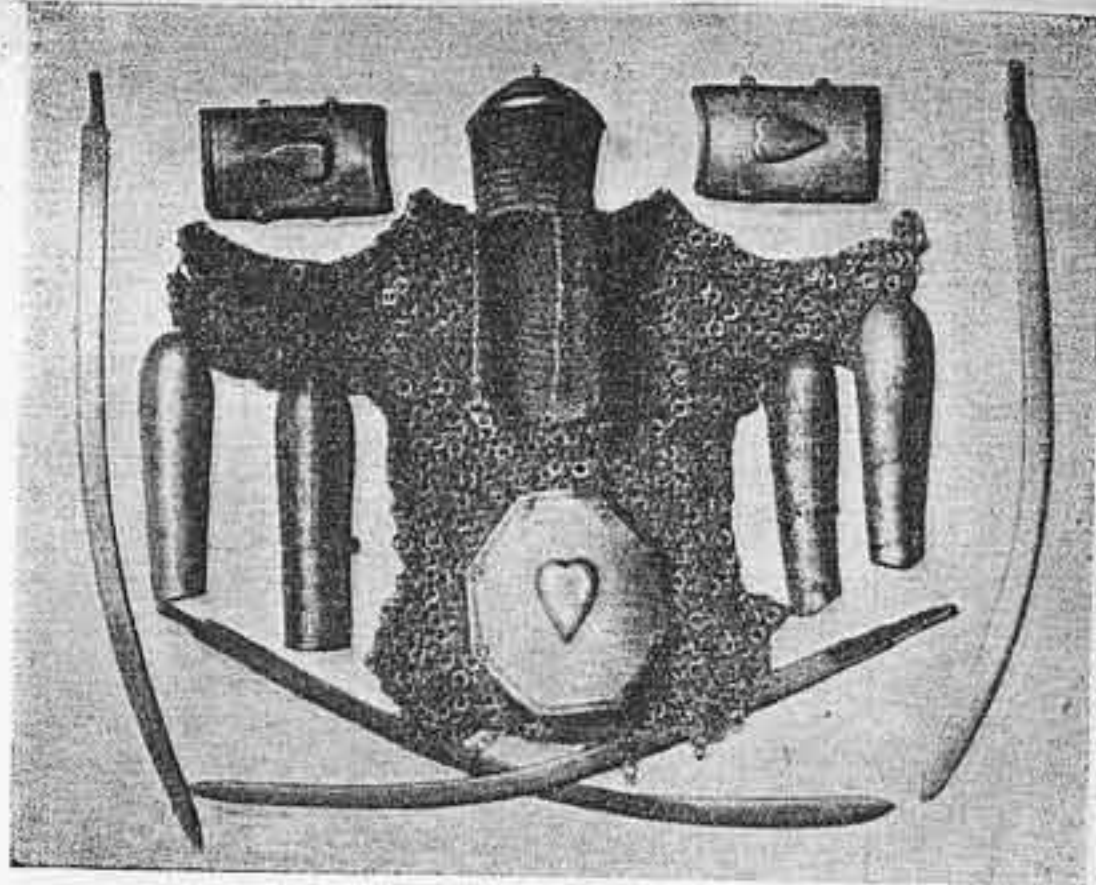

Сабли кн. Дм. Мих. Пожарского и Кузьмы Минина, положенные ими в ризницу Сергиева монастыря.

Бердыши защитников Сергиева монастыря во время осады поляками в 1609 г.

Сабельные полосы, поднесенные ц. Михаилу Федоровичу персидским послом и персидскими купцами.—Стальные зеркала и наручи русской работы.—Мисюрка (шайка) стальная XVII в.—Байдана ц. Бориса Годунова.

Железный шишак ц. Михаила Федоровича работы мастера Никиты Давыдова.—Булатный шишак персидской работы XVI в.—Шапка «ерихонская» булатная XVII в.

Ряды стрельцов, вооруженных мушкетами, бердышами и саблями (на составленной в 1676 г. «Книги в лицах об избрании Михаила Федоровича на царство»).

стрельбы. Какой безвредной игрушкой кажется мушкет в сравнении с современными скорострельными винтовками!

При выписке мушкетов из-за границы или при посылке их в полки к ним почти всегда присоединялись банделеры или берендейки. Это — заряды в деревянных точеных, а позднее жестяных трубочках. Деревянные трубочки для предохранения пороха от сырости обивались черной или красной кожей. Они привешивались в количестве 11 или 12 штук на надеваемые через левое плечо ремни; простроченные ремни считались лучшими и назывались московскими¹. Кроме банделеров, к ремню привязывался кожаный мешочек, в котором находились пули, пыжи, сало для смазки, затравочник для прочистки запала и фитиль; иногда фитиль наматывался на банделерный ремень. Банделером назывался также самый ремень и все устройство в целом.

Из мушкетов стреляли не только пулями, но и стрелами: в Новобогородицком в 1690 г. среди всякого оружия находим 780 стрел скорострельных мушкетных². На такие же стрелы имеем указание в дознании о заговоре Шакловитого: «Как под Девичьем монастырем отведывали из мушкетов стрел железных, и в то время у него Оброски попортило руку». Этот Оброска служил в стрельцах³. В том же Новобогородицком находим 29 мушкетов «двустрельных», т. е. двуствольных, годных, очевидно, только для крепостной войны из-за своей тяжести. В киевском арсенале в 1677 г. было еще более сложное сооружение: 180 мушкетных стволов было уложено на 5 станках, так что получалось 5 скорострельных ружей, каждое из которых заряжалось 36 пулями⁴. Относительно дальности боя из мушкета мы не имеем прямых сведений. Некоторые заключения можно вывести из показаний гостя Петра Микляева, посланного в 1660 г. за границу для закупки оружия и сообщавшего о появившихся в Германии новых мушкетных гранатах; гранаты эти имели полет на 80 сажен⁵.

В некоторых документах говорится о стрелецких самопалах и пищалях. Оба названия иногда употреблялись как общее название ручного огнестрельного оружия, а иногда как будто означали особые его виды. Среди имущества Татищева имеется несколько ружей разных видов, но все они названы самопалами: самопал, украшенный раковинами, с колесным замком, самопал свейский птичий винтованный, две пары самопалов немецких коротких, 17 самопалов свейских и ливонских во влагалищах⁶.

В составленной в 1627 г. росписи имущества Макс. Макс. Строганова перечислен ряд ружей самого разнообразного вида: тут и немецкие долгие, и тульского дела долгие, и «колесчатые», и короткие. Все эти ружья названы самопалами⁷. Также разного вида были и пищали. В указе 1633 г. о сборе даточных людей поставлено требование, чтобы у даточных людей «пищали были длинные харчистые»⁸. С другой стороны, упоминаются пищали короткие — охотничьи винтовки и гладкоствольные военные пищали, носившие на-

¹ Новой разборки, № 640, л. 448.

² Там же, № 180.

³ Следственное дело о Ф. Шакловитом, I, 997.

⁴ Новой разборки, № 668.

⁵ Голл. дела, 1660, № 3.

⁶ Временник Об-ва истории и древностей российских, VIII, 10—15.

⁷ Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв., с. 46.

⁸ АМГ, I, 516.

звание завесных, т. е. таких, которые можно носить за плечами на ремне.

Когда в 1648 г. предполагено было послать на Дон небольшой отряд, Посольский приказ затребовал от Стрелецкого присылки мушкетов, шпаг, пик и банделеров. Стрелецкий приказ ответил, что в его распоряжении мушкетов с жаграми нет, а имеется 800 стрелецких самопалов тульского дела с русскими замками да 200 самопалов с немецкими стволами и замками русского дела. На памяти из Стрелецкого приказа по этому поводу посольский дьяк положил свою резолюцию такого содержания: «Мушкеты взять»¹. Следовательно, Стрелецкий приказ различал мушкеты от самопалов: первые — с жаграми, вторые — с русскими замками, собранные русскими мастерами. Между тем дьяк Посольского приказа различия между самопалом и мушкетом не видел. Опись оружия, хранившегося в 1690 г. в Новобогородицком, также выделяет самопалы в особую группу: 2156 мушкетов, 16 самопалов рваных да целый один, 285 карабинов, 54 пицали со шкотскими замками². Тут выделены также пицали как особый вид огнестрельного оружия. В описи Оружейной палаты также увидим отдельные группы мушкетов, карабинов, аркебуз, пицалей и самопалов, но по какому признаку произведено такое подразделение — из описи не видно. Можно заметить только, что поставленные Филимоновым названия не всегда соответствуют терминологии описей XVII в. Например, Филимонов описывает под № 6417 самопал, который в описи 1687 г. назван турецкой пицалью с жагрой. Или под № 6784 названо самопалом ружье, обозначенное в описи 1687 г. как пицаль; под № 6449 описана аркебуза, называвшаяся прежде пицалью, и т. д. Повидимому, Филимонов руководился, с одной стороны, измерением калибра оружия, называя мушкетами ружья с калибром более 7 линий, с другой — формой приклада, выделяя аркебузные приклады с ящичками.

Для определения, какой тип ружья надо подразумевать под тем или иным термином, встречающимся в памятниках XVII в., надо прежде всего отметить, что название «мушкет» очень редко употреблялось до 1630 г., когда началось увлечение иноземным строем и когда ближе познакомились с мушкетом как установившимся типом оружия иноземных войск. В 1625 г. английский гость Фабиан Ульянов ударил челом государю двумя ружьями мушкетного типа. В приходо-расходной книге Казенного приказа эти подарки названы самопалами, но в описи 1687 г. Оружейной палаты один из этих самопалов назван «пицаль немецкая мушкет». Этот же пример показывает, что название «пицаль» не обозначало определенного типа ружья, а употреблялось как общее название. Такого же характера было название «самопал». Под пицалью или самопалом можно подразумевать и турецкое ружье с узким выгнутым прикладом, и аркебузу с прикладом характерной формы, и охотничью винтовку. Когда мушкеты и карабины получили широкое распространение и стали всем хорошо известны, пицалью или самопалом называли всякое ружье, если оно не было мушкетного или карабинного типа; а мушкетом называли длинное ружье большого калибра с прикладом, несколько отогнутым вниз и имеющим выемку для большого пальца.

¹ РИБ, XXVI, 897.

² Новой разборки, № 180.

Можно указать еще одно огнестрельное оружие, которым пользовались стрельцы, — ручные гранаты. Когда кн. Ив. Сем. Прозоровский снаряжался на воеводство в Астрахань, Леонтию Марселису велено было на тульских и каширских заводах при помощи иноземных мастеров «400 гранат ручных лить наспех, днем и ночью, безо всякого мотчанья, оставя всякие дела» и отослать их в стрелецкие приказы, посланные с Прозоровским в Астрахань¹. Имеются также указания на ручные железные гранаты². О способе употребления ручных гранат пока не удалось найти прямых указаний; очевидно, они были с фитилями и употреблялись, конечно, в близком бою. Полковник Николай ван-Зален при штурме города Копоси «гранаты в город с лестницы из рук бросал»³. По показанию стрелецкого капитана Филиппа Сапогова, Шакловитый подговаривал стрельцов воспользоваться гранатами для покушения на жизнь царя Петра: «А в нынешнем во 197 году, как он, Филипп, пришел со службы великих государей, Федор Шакловитый говорил и про государя царя и великого князя Петра Алексеевича: пьет де и на Кокуй ездит и своими руками потешных конюхов кнутом бьет и никоими де мерами в соединение и в мир привести нельзя для того, что пьет до пьяна. Да он же Федор Шакловитый, тому с год и больше, говаривал ему, Филиппу, многаяжды, чтоб ручные гранаты бросать в то время на пути или украдкою в сани его государевы положить и чтоб из тех гранат убить его, государя; а положить бы ему в сани украдкою в то время, как изволит государь в поход идти, или бы в потешные сани под место»⁴.

Кстати можно упомянуть и об употреблении пушечных гранат с удушливыми газами — «со смрадным духом». В 1678 г. из Киева поступило требование на припасы для начинки огненных гранат и на «смрадный дух»: тут были порох, семитра, сера, камфара, напатырь, смсла желтая, вар, ртуть, мышьяк, нефть, скипидарное масло и, наконец, двойное вино и уксус⁵.

Итак, стрельцы в качестве огнестрельного оружия располагали тяжелыми мушкетами и ручными гранатами; пистолетов или карабинов им не полагалось. Из холодного оружия они имели сабли, шпаги, бердыши, пики и в редких случаях саадаки. Стрельцы делились на два разряда — московских и городских. Большинство первых было вооружено саблями и бердышами. Так их описывают иностранцы, начиная с Флетчера и кончая Рейтенфельсом. Относительно фасона стрелецкой сабли мы имеем два графических показания, которые не сходятся между собой. В «Книге в лицах об избрании на царство Михайла Федоровича» рукоять сабли нарисована без защиты, а на рисунке Пальмквиста, автора очень точного даже в деталях, рукоять стрелецкой сабли имеет защиту оригинальной формы: защитная пластинка, параллельная рукояти, укреплена только одним концом к лопасти крыжа. Сабля носилась на поясе в наклонном положении. На том же рисунке видим нечто вроде меча, висящего прямо на кольцах, расположенных с двух сторон ножен. Повидимому, художник хотел изобразить широкие шпаги, которые изредка упоминаются при перечислении стрелецкого оружия.

¹ ДАИ, V, 293.

² Новой разборки, № 668.

³ АМГ, III, 449.

⁴ Розыскн. дела, I, 31.

⁵ ДАИ, IX, 81.

В 1655 г. в Могилеве от стрелецкого головы Азарьева было принято 5 пицалей, 46 мушкетов, 17 шпаг и 12 банделеров¹. Часть стрельцов была вооружена саблями и длинными копьями. Эти стрельцы, повидимому, не имели огнестрельного оружия. Копья назывались также спицами. Были также полуспицы и полуспицные оковцы — название, указывавшее на малый размер копья. Большое широкое копье называлось рогаточным. Есть указание на наличие отрядов конных стрельцов. Вооружение их видно по такой выдержке из дела о Шакловитом: «Прибежал на Лубянку пристав Андрюшка Кондратьев и велел им, трем человеком, седлать лошади и брать сабли и копья»².

Начальствующие в стрелецких приказах в виде знаков своего достоинства носили протозаны — высшие чины и алебарды — низшие. Протозаном называлось широкое копье с расширением или рогами или же с яблоком на тулье и украшенное кистью. Алебарда — это насаженный на длинное древко топор с полукруглым лезвием и с обухом в виде длинного острого языка. Алебарда и протозан отчетливо обозначены на рис. 5 «Книги в лицах об избрании на царство Михаила Федоровича». Протозанное древко было длиной в 2½ аршина³. Протозаны имели не только декоративное значение, но могли служить как холодное оружие. Известно, что кн. Г. Г. Ромодановский во время стрелецкого восстания был убит протозаном⁴.

Городовые стрельцы были вооружены значительно хуже московских. Тут мы найдем самый разнообразный ассортимент оружия. В Сумском остроге в 1674 г. у стрельцов было 119 пицалей, 125 копий, 6 рогатин, 10 лубья саадачного, 6 луков, 8 самострелов, а к ним по 25 стрел⁵. Сумские стрельцы недалеко ушли от местных обывателей, вооружавшихся как и чем придется. Тут и рогатины, и луки, и даже самострелы, вероятно, полученные встарину от заезжих в Россию иноземцев. Вообще же самострелы, или арбалеты, т. е. луки, снабженные ложем вроде ружейного и натягивавшиеся посредством ворота или зубчатого колеса, — оружие страшное в руках иноземного солдата XV—XVI вв. по своей силе и дальноточности, — редко попадали в руки русских. Самострелов нет даже в такой разнообразной коллекции оружия, какой обладал кн. В. В. Голицын; тут есть лишь упоминание о каком-то водяном самостреле ценою в 10 алтын. Несколько самострелов хранилось в Оружейной палате, и на одном из них — со стальной полосой, ложем, украшенным черным рыбьим усом и шелковой тетивой, — испробовал свои силы 15-летний Петр.

Сумские стрельцы жили далеко от опасных пограничных линий, но и пограничные псковские стрельцы не могли похвалиться выдержанностью своего вооружения. Сохранился от 1697 г. очень интересный список псковских стрельцов, посланных на очередную службу в Великие Луки. Послана была половина полка с полковником во главе, при котором состоял такой штат: пристав и пятисотенный подъячий с саблями, 10 самопальщиков, 4 протозанщика, военный оркестр из 14 сиповщиков с бердышами и знаменщик с бердышем. Затем следует перечисление состава сотен. Во главе сотни стоит капитан, у него 2 пятидесятника с алебардами или протозанами и барабанщики с бер-

¹ АМГ, II, 461.

² Розыскные дела, I, 21.

³ Сборник записок о Петре Великом, I, 44.

⁴ С. Соловьев. История России, III, 961.

⁵ ДАИ, V, 360.

дышами. 8—10 рядовых состояли под командой десятника, который по вооружению ничем не отличался от своих подчиненных. В каждой десятке вооружение рядовых не было одинаковым: тут найдем вооруженных одним бердышем, бердышем и пицалью, одним копьем, одним мушкетом. Только последний род оружия выдавался из казны; прочее вооружение стрельцов было собственное. Но количество мушкетов было очень невелико, по 1—2 на десяток и то не на каждый; всего на половину полка — на 492 человека — приходилось 39 мушкетов. Наибольшее число стрельцов имели только по бердышу, затем следуют, уменьшаясь численно, вооруженные пицалью и бердышем, вооруженные копьем и вооруженные мушкетом.

Имеется еще список стрельцов половины второго полка, но по некоторым десяткам не указано оружие рядовых. Однако можно подметить, что тут до некоторой степени старались иметь в десятках стрельцов, одинаково вооруженных, десятков копейщиков, десятков мушкетеров и пр.; но эти однородные десятки перемежались с десятками сборного вооружения.

При чтении этих стрелецких списков ясно чувствуется, что стрелецкое войско отживало свой век, быстро клонилось к упадку. Стрелец был больше торговец, подрядчик, плотник или кузнец, чем воин. Мирные занятия его кормили, военные вводили в убыток. Московское правительство неоднократно пыталось поднять военное значение стрельцов и отдавало их в науку иноземным полковникам. Но каждая такая попытка вызывала горькие жалобы на разорение, которое причиняют регулярные военные упражнения.

В 1639 г. царь указал московских стрельцов, находившихся в Туле, отдать полковнику Александру Крафурту в солдатское ученье, «строить и учить солдатскому строю». Стрельцы запротестовали: «Они де искони вечно в солдатском ученье не бывали... и им де, будучи в солдатском ученье, вконец погибнуть и промыслов своих отбыть». Однако указ был подтвержден: «Стрельцов учить по прежнему нашему указу и в ученье их приводить, смотря по тамошнему делу, чтоб им было не в налогу»¹. Этой муштровкой объясняется присутствие стрельцов в составе полков иноземного строя. В 1687 г. в одном из солдатских полков числилось 430 солдат и 652 стрельца². Но, очевидно, далеко не все стрельцы проходили иноземную выучку, и большинство их практиковалось в ратном строе только под наблюдением своих голов и полковников, о чем всегда упоминается в наказах стрелецким головам: «А на караулы и с караулов ходить строем и на поле учить их (стрельцов) перед собою, чтоб они из мушкетов стрелять были горазды; а на учьбе велеть стрельцом стрелять своим зельем, потому что им дают в г-ря денежное и хлебное жалованье»³.

IV. ИНОЗЕМНЫЙ СТРОЙ

Полки иноземного строя, число которых в течение XVII в. быстро увеличивалось и которые уже к половине века по своей численности отодвинули дворянское ополчение на второй план, делились на конные — рейтарские и гусарские, пешие — солдатские и, наконец, драгунские — обученные и конному и пешему строю. Насколько полки

¹ Влад. ст. столбец № 39, лл. 174, 210.

² Моск. ст. кн. № 58, л. 22.

³ Новой разборки, № 988.

нового строя вытеснили в опасных местах дворянские отряды, можно видеть по составу войска кн. Г. Г. Ромодановского, охранявшего в 1661 г. южную и юго-западную границы. У него было 46 дворян, 1800 рейтар, 855 солдат, 52 драгуна, 313 донецких и орешковских казаков¹.

Рейтары имели латы, состоявшие из передних и задних досок, пол и оплечьков, или ошейков. Образцы таких доспехов имеются в Оружейной палате. Поножи и наручи в числе рейтарских доспехов не упоминаются. Латы считались необходимыми для рейтар не только с точки зрения иноземных офицеров, но и по мнению русских воевод. Кн. Г. Г. Ромодановский настойчиво требовал присылки в свои полки латного снаряжения и свои требования мотивировал так: «Рейтаром с поляки и с татары никоими обычая без лат биться не мочно»².

На голове рейтары носили шапак. Это была, по всей вероятности, железная шапка такой же формы, какой были шапки у состоящих на русской службе иноземцев, т. е. с низким гребнем, прямыми и узкими полями, не мешавшими брать ружье на прицел, и с чешуйчатыми наушниками. В описи Оружейной палаты читаем: «Шапка латная железная с ушами и с подзатыльником, гвоздья медные репейчатые» (л. 487). Упоминаются, хотя и редко, при латах рукавицы. Рейтарские латы имели очень значительный вес, и при погрузке на подводы комплект лат приравнялся трем мушкетам³. На приобретение лат за границей имеется очень много указаний, но латы выковывались и на каширском заводе; в 1668 г. там был 1051 комплект готовых рейтарских лат с шапками. Марселис за латы с шапками ставил цену в 2 руб.⁴ В Оружейной палате сохранилось много лат московской работы.

Огнестрельное оружие рейтар состояло из карабина и пары пистолетов. Карабин, как более короткое и легкое ружье, снабжался замком более легкого типа. Если на подводу клали 60 мушкетов, то карабинов клали 100⁵. Карабины часто снабжались колесными замками, но они никогда не имели ни жагр, ни фитиля. Действительно, конному воину высекать огонь, раздуть фитиль и вставлять его в жагру было очень трудно. Для ношения карабина делалось довольно сложное приспособление. Рейтар надевал ременный пояс, снабженный металлической пряжкой и крюком, на который и привешивался карабин посредством погона, т. е. длинной скобы, прикрепленной к карабинному ложу с левой стороны, против замочной доски. Иногда на прут погона было надето кольцо, которое и нацеплялось на крюк. Таким образом, передвигая карабин по погону, можно было придать ружью различное положение, какое было удобно. Погон могло заменить только кольцо с пробоем. В описи имущества Н. И. Романова находим: «15 поясов ременных карабиновых с крюки».

В Оружейной палате в 1689 г. хранился запас в несколько тысяч нарядных карабинных ремней из телячьей и лосиной кожи и между прочим «15 ремней карабинных и с двойными крюками, в том числе 8 ремня бохтермянные, строчены по местом розными шелки, да 2 ремня лосиных, пряжки и запряжники и наконечники железные, бы-

¹ АМГ, III, 317.

² Там же, 541.

³ Там же, 356.

⁴ ДАИ, V, 390, 393.

⁵ АМГ, III, 356.

вали золочены. 1487 ремней карабинных кожаные красные, пряжки и запряжники и наконечники железные лужонные, а крюки железные-ж не лужоны, по 3 алтына 2 деньги ремень».

Из приведенной выписки видно, что карабинные ремни с двойными крюками были отделаны особенно нарядно. Повидимому, они предназначались для конных офицеров, имевших, кроме карабинов, также протозаны. В переписи псковского арсенала 1699 г. упоминаются протозаны у крюков карабинных¹.

Возможно, был в ходу другой способ носить карабины — на перевязях; по крайней мере Иван Гебдон предполагал купить за границей 2000 карабинов с перевязями.

Карабины привозились из-за границы, но и в мастерских Оружейной палаты сверлились карабинные стволы и выделывались замки. В 1654 г. станочные мастера собрали 882 карабина, причем выбирали для них стволы, сверленные при Афанасье Матюшкине, так как они были легче и лучше; также из замков русской работы выбирали лучшие и более легкие, а в прибавку получили замки, сделанные московскими мастерами по специальному заказу. Кроме того, в поход было взято 268 карабинов старого запаса с колесными замками². На тульских и каширских заводах карабины не выделывались. Кстати заметим, что стволы были и сверленные и гнутые: «2631 доска, что делают из них стволы пищальные, весу в них 877 п.»³.

Как оружие более тонкой выделки, карабины ценились дороже мушкетов. В 1632 г. в Ругодиве было куплено 7200 мушкетов с зарядцами, подсопками и перевязями по 2½ ефимка за мушкет и 300 карабинов по 4 ефимка за карабин⁴. По смете, представленной Иваном Гебдоном, мушкет с жагрой, замком и банделерами стоил 1 р. 23 а. 1 д., а карабин, «дерево немецкое с погоном пестрое и с перевязью и с крюком, золочено местами», — 4 р. 30 а.

Кроме карабинов, рейтары имели по две пистолы. Замки для пистолей выделывались меньших размеров, чем для мушкетов и карабинов. Широко была распространена колесная система, наиболее удобная для всадника, так как ему при рукопашной схватке надо было иметь под рукой оружие, готовое к выстрелу. Завести колесо можно было заранее, и достаточно было отодвинуть крышку полки и нажать на спуск, чтобы привести пистолет в действие. Ручка пистолетного ложа первоначально была прямая с круглым или яйцевидным концом, служившим как противовес значительной тяжести пистолетного ствола. В XVII в. ручка постепенно загибается вниз и приближается по своей форме к ручке современного пистолета. В России пистолеты выделывались в небольшом количестве и преимущественно привозились из-за границы; пара пистолетов стоила дороже хорошего карабина. В 1661 г. во Псков, в полк кн. Ив. Андр. Хованского, было послано 500 карабинов и 500 пар пистолей для продажи дворянам, не имевшим оружия. За карабин брали 2 руб., а за пару пистолей с ольстрами, т. е. чехлами, по 2 р. 50 а.⁵

Были в употреблении также зажигательные стрелы, снабженные

¹ Новой разборки, № 220.

² Моск. ст. столбец № 867, л. 549.

³ Опись, с 703.

⁴ Новой разборки, № 900.

⁵ АМГ, III, 356.

трутом, серой и порохом в мешочке¹, и литые ручные гранаты весом 4—5 фунтов, которые готовились на заводах Марселеса иноземными мастерами по цене 10 коп. штука².

В качестве холодного оружия рейтары имели шпаги. В письменных памятниках нет описания формы шпаги XVII в., говорится только, что она имеет крыж. О ней можно судить по рисунку в «Книге в лицах об избрании на царство Михаила Федоровича», где шпага изображена как стрелецкое оружие, и по рисунку, помещенному в изданной в 1647 г. книге «Учение и хитрость ратного строя». В обоих случаях шпага представлена широкой и довольно короткой, конечно, прямой, а не выгнутой формы.

Среди рейтар были особые отряды копейщиков, служба которых ценилась очень высоко. В 1660 г. в Белгородском полку упоминается «копейный рейтарский шквадрон»³. В 1662 г. в Белгороде находим 2 полка копейного строя, в которых состояли 1183 человека вместе с начальными людьми⁴. Копейщики были вооружены копьями и пистолетами. Они могли составлять отдельные отряды, но могли входить и в состав солдатских рот в следующей пропорции: 80 человек с пиками и 40 человек с мушкетами⁵.

Гусары, которые составляли отдельные от рейтар отряды, были вооружены пиками и пистолетами. В 1687 г. предписано было наблюдать, чтобы «у гусар было по гусарскому древку, да по паре пистолей, а у копейщиков по копью да по паре-ж пистолей, а у рейтар по карабину да по паре-ж пистолей у всех свои добрые и к бою надежные»⁶. Следовательно, гусары отличались от копейщиков типом копьев; повидимому, гусарские копья были меньших размеров, так как назывались копейцами. В смоленском арсенале среди другого оружия хранилось 300 копейцев гусарских⁷. От рейтар гусары отличались латами. В 1661 г. воевода кн. Ив. Андр. Хованский доносил, что к нему в полк прислано 360 лат. «Из того числа, — пишет Хованский, — отдано гусаром 91 латы по нужде на время, покамест по твоему в. г. указу, присланы будут ко мне гусарские латы... А гусарские латы и шишаки ко мне в полк июля по 7 число не бывали, а гусаром без лат и шишаков и наручей отнюдь нельзя быть»⁸. Из этой выписки видно, что в состав гусарского латного снаряжения входили также наручи, о которых нет ни одного упоминания в описаниях рейтарских доспехов. Как конница более легкого типа, гусары имели латы, вероятно, не столь тяжелые, как у рейтар. Возможно, что гусары отличались от рейтар и своим социальным составом. Подобно гусарским полкам в польских войсках, и московские гусарские полки были дворянскими, тогда как рейтары набирались из разных сословий. В 1662 г. в гусарском полку подполковника Никифора Караулова числилось начальных людей 20 человек и гусарского строя дворян и детей боярских 352 человека⁹.

¹ АМГ, II, 89.

² ДАИ, V, 293, 390.

³ АМГ, III, 317.

⁴ Чтения, 1911, III, 8.

⁵ Моск. ст. столбец, № 875, л. 227.

⁶ Там же, кн. № 58, л. 152.

⁷ ДАИ, XII, 29.

⁸ АМГ, III, 357.

⁹ Смета, с. 10.

Солдатские полки были особенно многочисленны. Солдаты были в шишаках и латах, причем солдатские пехотные латы отличались от рейтарских. Надо думать, что первые имели чешуйчатые полы для прикрытия нижней части туловища. На это указывает фасон пол, котские, как видно по образцам, сохранившимся в Оружейной палате, и по рисунку в книге «Учение и хитрость ратного строя», не имели спереди выреза, необходимого при верховой езде. В Оружейной палате хранились «трои полы солдатских лат подбиты кожей белою и красною»¹.

В 1653 г. иноземцу Ивашке Марсову и гостю Андрею Виниусу было указано купить за границей 286 рейтарских лат и 240 пехотных. Солдатские латы состояли из передних и задних досок, пол и оплечков. Доски скреплялись ремнями. Вероятно, латы не были обязательной принадлежностью солдатского вооружения; так, в 1648 г. была составлена смета на снаряжение для 1000 солдат, посылаемых на Дон, и в этой смете о латах ничего не говорится: «Надобно: 1000 мушкетов, 1000 шпаг, 1000 поясов, 1000 банделеров, 150 п. фитилю, 150 п. пороху, 150 п. свинцу, 5 фурм—лить пульки, 10 уполовников, в чем на пульки свинец топить, 5 протозанов, 10 барабанов; 5 поручикам 5 протозанов, 15 сержантам 15 аллебард». Тут готовилось снаряжение худшего сорта; на это указывает то обстоятельство, что предполагалось дать солдатам только 200 мушкетов с замками, а прочие 800 мушкетов должны были быть фитильными². В росписи 1668 г., представленной полковником Аггеем Шепелевым, перечисляется необходимое для его полка вооружение: 2000 мушкетов, 1000 копий длинных, 3000 бердышей и пр., но о латах нет никакого упоминания³.

Оружием для солдат служили мушкеты с банделерами и шпаги. В 1653 г. в Яблонице было 8000 солдат; прислано было 7683 мушкета, не хватало и было затребовано дополнительно 317 мушкетов; шпаг прислано было 7269, затребована дополнительно 731 шпага⁴. Следовательно, яблонские солдаты были вооружены однообразно—мушкетами и шпагами. Другие солдатские отряды были вооружены иначе—мушкетами и пиками. В 1638 г. кн. Ив. Бор. Черкасскому было предложено набрать в Тульском уезде из малопоместных и беспоместных детей боярских 4000 человек в солдаты и вооружить каждого из них мушкетом и пикой. Пики или спицы были двух видов: длинные и короткие—полуспицы. В солдатских полках были и те и другие. Вес принятого в пехоте копейного железного наконечника был 26 золотников, несколько больше 1/4 фунта⁵. Размеры копий указаны в следующей памяти в Разряд из приказа ствольного дела от 24 января 1656 г.: «К солдатскому строю на длинные списы железных копей сделать 20000 против образцовых копей, в мере копье и с трубкою четверть аршина, а от трубки перье по аршину для легкости узки и тонки, а весом бы были в отделке меньше гривенки, и в нем для прибою по 10 гвоздей малых»⁶. Из этой выписки видно также, что копьа на длинных древках были тяжелее, чем на коротких. Некоторые солдаты были вооружены бердышами. В 1687 г. последовал указ «для

¹ Опись, с. 486.

² РИБ, XXVI, 932, 948.

³ Новой разборки, № 1083.

⁴ АМГ, II, 342, 348.

⁵ Там же, I, 365.

⁶ Моск. ст., № 278, ст. VI.

нынешней службы Крымского походу в московские выборные и иные солдатские полки сделать наскоро в Вязьме 357 бердышей да 857 полупичных железец кузнецом... против образцов»¹. Бердыши упоминаются в следственном деле о самовольстве солдат, которые в 1661 г., несмотря на запрещение, пошли на приступ г. Копоси. Стольник Никифор Толочанов говорил на допросе: «И я, прибежав с дворяны, почал солдат ворочать, чтоб на приступ не ходили, и человек 5—6 и зашиб; и солдаты почали меня и дворян бранить и называть изменниками и бердышами меня и дворян хотели рубить»². В солдатских полках было по несколько гранатчиков, которые применяли в бою ручные гранаты. В росписи 1676 г., что нужно в полки, сказано: «в 3 полка солдатских 6 ч. гранатчиков, 3000 гранат»³.

Что касается офицеров в солдатских полках, то высшие из них были вооружены протозанами, низшие — алебардами. Протозаны были на расписных древках. В 1662 г. у торгового человека Ивана Христофорова Книперта было взято 6 протозанов, насаженных на тростях, «по тростям росписано золотом; а против договору ему, Ивану, довелось дать за протозаны по 8 руб. серебряных денег, итого 48 р. И с теми протозаны... посланы начальные люди перед солдаты полку генерала и поручика Микулая Бовмана на стойки. И на тех протозанах от рук росписка слияла»⁴. Очевидно, протозаны были роскошно отделаны, если стоили 8 руб. Несколько дешевле обходились протозаны русской работы. В 1674 г. в Устюжне было сделано 100 протозанов, которые обошлись в 620 руб.⁵ Из описи Оружейной палаты видно, что протозаны украшались серебром: «5 наверху серебряных прорезных, что живут у протозанов на кистях, весу в них 51½ золотника»⁶. Интересно указание, что барабанщики в солдатских полках были одеты в немецкое платье. В 1676 г. бухарский посланник «спрашивал про барабанщиков, что у солдат в немецком платье, и ему сказано, что те солдатские барабанщики»⁷. Отсюда можно заключить, что прочие солдаты были в русском платье.

Драгуны, предназначенные и для конной и для пешей службы, по своему вооружению были похожи больше на пеших солдат, пока были вооружены тяжелыми мушкетами. Так как действовать, сидя на конях, мушкетами с фитилями было почти невозможно, то в конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. драгун стали перевооружать карабинами или мушкетами с замками. Но это перевооружение задерживалось вследствие недостатка подходящего оружия. В 1649 г. в Цареве-Алексееве драгуны вместо мушкетов получили карабины⁸. В 1653 г. отправлявшимся в поход драгунам не удалось переменить мушкеты: «в г-ве казне мушкетов с замками нет, переменить было нечем»⁹. Возможно, что драгуны имели мушкеты облегченного типа: по крайней мере существовали особые драгунские мушкеты. В 1654 г. из Иноземского приказа в Оружейный были отправлены 914 муш-

¹ ДАИ, XII, 47.

² АМГ, III, 448.

³ Новг. ст. кн. № 30, л. 59.

⁴ Сборник кн. Хилкова, 273.

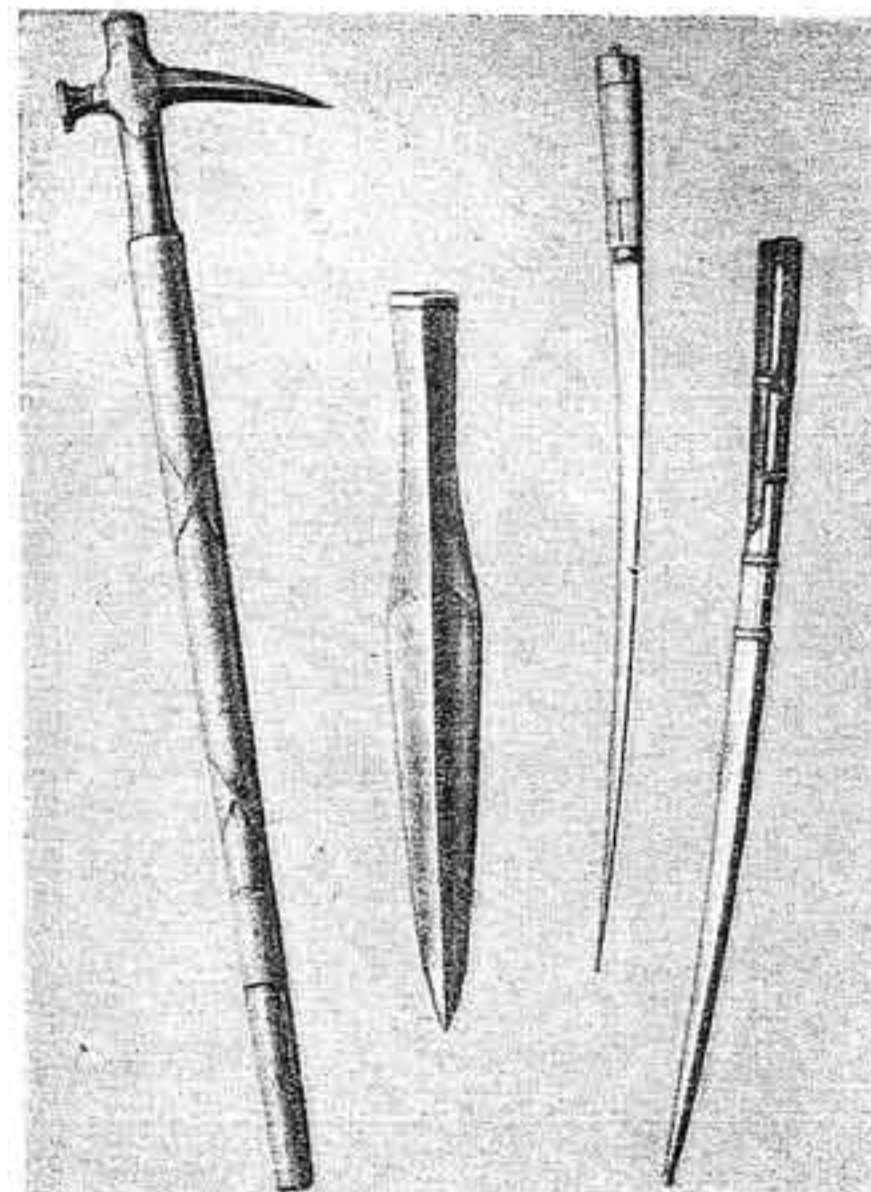
⁵ ПДСЛ, 1674, № 58.

⁶ Опись, с. 653.

⁷ Новой разборки, № 961.

⁸ Разр., вязка 1, № 78.

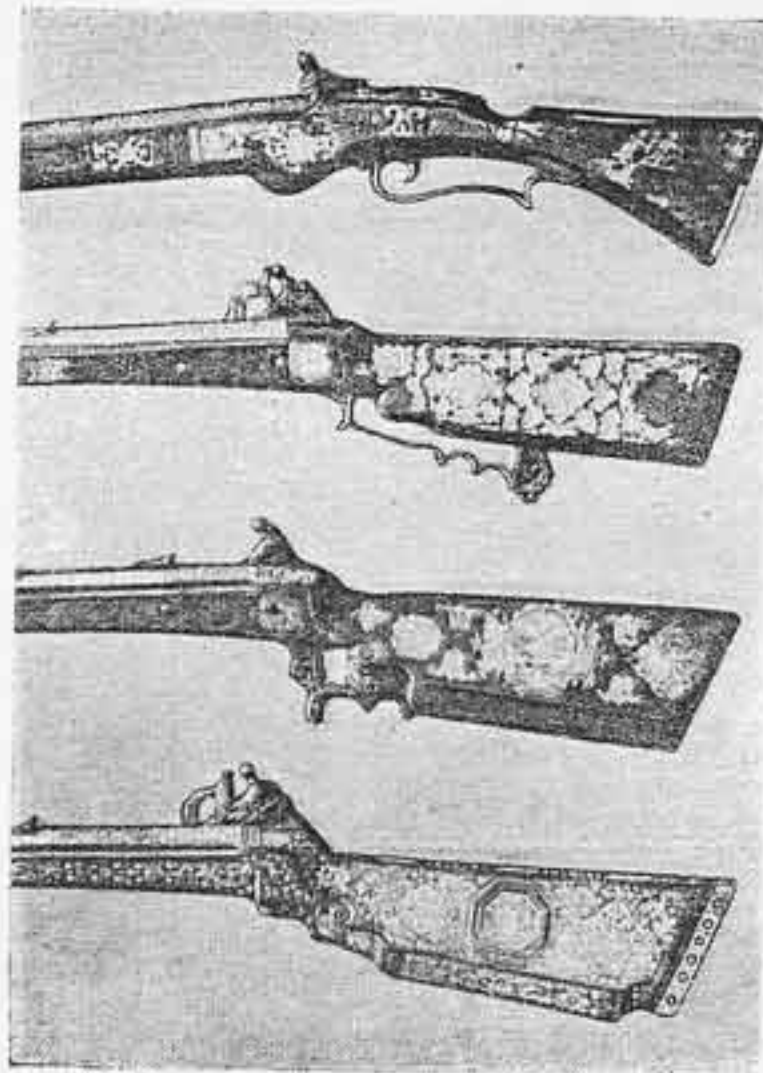
⁹ Моск. ст., № 867, л. 488.

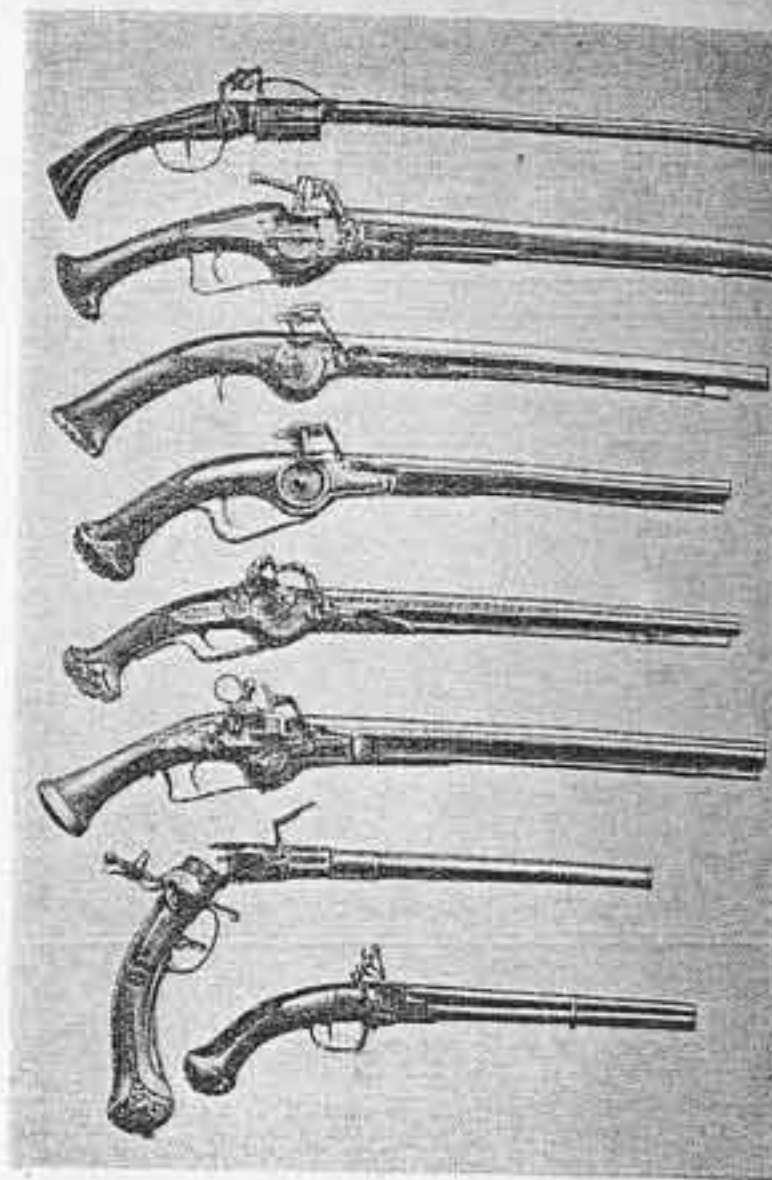
Чекан XVI в., принадлежавший кн. Ф. А. Телятевскому. — Булатная рогатина с надписью о принадлежности вел. князю Борису Александровичу Тверскому. — Нож «подсадашный» начала XVI в., стальной, черен моржовой кости.

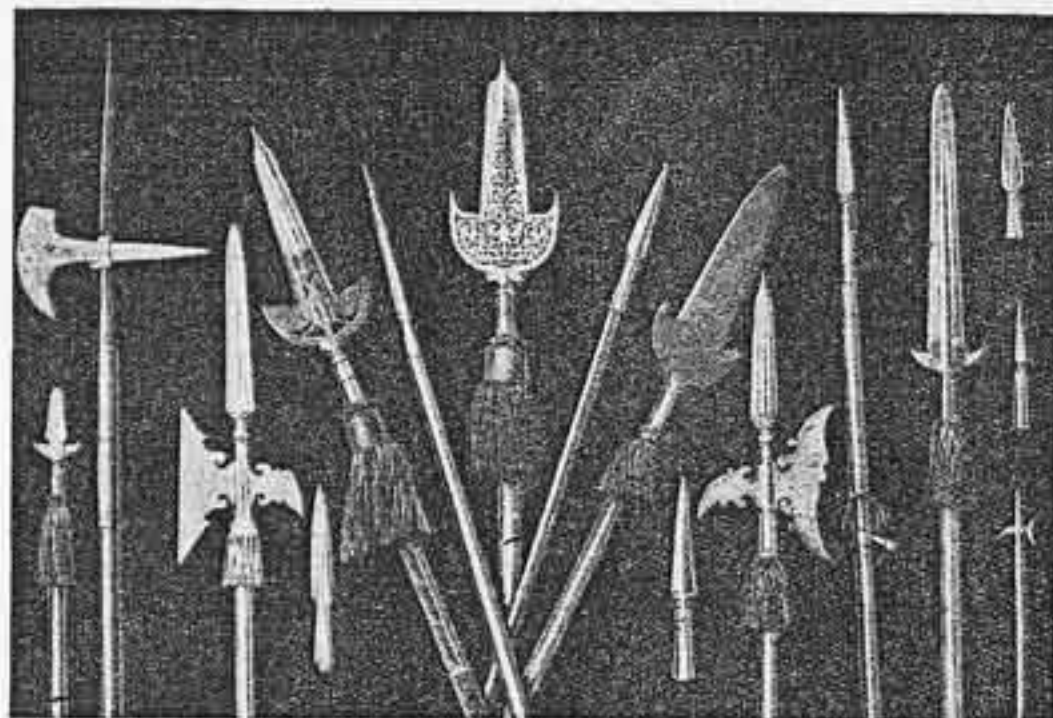
Огнестрельное оружие XVII и начала XVIII в., по порядку слева направо: турецкое фитильное ружье начала XVII в., охотничья аркебуза с колесным замком, пицаль XVII в., нарезное ружье немецкой работы XVII в., мушкет немецкой работы XVII в., мушкет XVIII в., магазинное ружье на 12 зарядов XVII—XVIII вв., ружье испанской работы XVII—XVIII вв., итальянское ружье начала XVIII в.

Нарезные пищали XVII в.

Пистолеты: шестизарядный XVI в., колесный начала XVII в., колесный конца XVI в., колесный начала XVII в., с нидерландским замком, то же, заряжающийся с казенной части, трехствольный.

Слева направо: № 1, 5, 7, 9 и 13 — протозаны XVII в.; № 2, 3, 11, 16 — алебарды XVII в.; № 10 и 12 — рогатины XVI в.; № 4, 8 и 14 — рогатины XVII в.; № 6 и 15 — копья XVII в.

кетов «драгунского строя»¹. Мушкеты и карабины, может быть, привешивались на крюках, как у рейтар, но встречающиеся в актах упоминания о драгунских крюках относятся к лошадиному убору. В описи Оружейной палаты читаем: «Два сундучишка худых да 3 коробки, а в них драгунские трубки, что ставят копья, да крюки конские, что у лошадей хвосты вяжут»². Из этой же выписки видно, что были драгуны, вооруженные копьями; они впрочем составляли отдельные отряды, так как в известных нам упоминаниях о драгунском оружии говорится как об однообразном — мушкеты и шпаги. В 1658 г. в четырех драгунских полках, расквартированных в Мценске и Белгороде, новоприборные драгуны в числе 5½ тыс. все получили только по мушкете, банделеру и шпаге на ремне, — о латах нет упоминания. Рейтары получили карабины³. Лошади для драгун покупались на казенный счет: в 1633 г. «драгунского полку под ратных людей куплено под верхи 1768 лошадей за 6157 р. 25 алтын, 4 деньги». Следовательно, за каждую лошадь заплачено в среднем 3½ руб.⁴.

Достаточно беглого обзора вооружения войск иностранного строя, чтобы отметить резкий поворот от восточных традиций, происшедший во взглядах на военное дело. Панцырь, столь излюбленный на Востоке, заменен латами, мало употреблявшимися на Востоке, лук — ружьем, сабля — шпагой. Значительность этого поворота выражается в следующих цифрах: в 1663 г. войск иноземного строя было 76 920 чел. да 29 244 стрельцов, которые также значительно отступали от восточных военных традиций.

¹ Моск. ст., № 867, л. 449.

² Опись, с. 691.

³ Разр., вязака 1, № 103.

⁴ Новой разборки, № 1026.